Лишь бы родина процветала

Category: Hekaýalar,Kitapcy,Satiriki hekaýalar
написано kitapcy | 23 января, 2025
Лишь бы родина процветала ЛИШЬ БЫ РОДИНА ПРОЦВЕТАЛА

Не могу точно сказать, что послужило причиной нашей командировки – то ли папки так распухли, что не вмещали больше всех жалоб, то ли иссякло терпение и кто-то сказал: «Баста! Это уж слишком!» Как бы там ни было, нам дали задание проверить состояние дел на заводе металлических изделий Кашир-бея. Мы – это комиссия из пяти членов: два бухгалтера, два экономиста, и я – инспектор по труду.
Целую неделю мы изучали жалобы, сортировали обвинения и разбирали по статьям злоупотребления. Вникая в суть дел, мы возмущались, негодовали, выходили из себя. Всякое, конечно, бывает, но разве можно так нарушать права, творить такие беззакония?! Сокрытие прибылей… Между прочим, это еще не самое страшное, многие скрывают свои доходы. Но заставлять работать детей, как взрослых, за гроши! Принуждать рабочих стоять у станка по десять-одиннадцать часов, не платить сверхурочных, а в табелях отмечать восьмичасовой рабочий день?! Обесчестить нескольких молодых работниц!..
Мы, члены комиссии, были молоды и непримиримы. Самым опытным считался я – мой стаж работы был полтора года.
И вот ранним утром мы нагрянули на завод, что находится у Золотого рога. Мы появились на пороге с мрачными лицами, выражавшими непреклонную решимость исполнить до конца свой долг, то есть вывести на чистую воду Кашир-бея. У заводских ворот нас ожидало человек пять. Они представились нам. Стоявший впереди оказался управляющим. За ним выстроились бухгалтер и прочие служащие. Нас встретили очень приветливо и радушно, занимали разговорами, шутили, смеялись. Но это не могло смягчить нас – не на таких напали. Глаза наши метали громы и молнии.
Нас повели через хорошо ухоженный сад к зданию, которое виднелось впереди. Это – заводоуправление. За ним высились

корпуса завода… Когда мы входили в заводоуправление, я заявил не терпящим возражения тоном:
— Сначала мы должны повидать Кашир-бея…
— Конечно, господа, Кашир-бей уже ждет вас… — ответил управляющий, загадочно улыбаясь и потирая руки.
— Он знает, что мы направлены сюда? Кажется, мой вопрос удивил управляющего.
— Д-а-а, сударь, — ответил он. — Разве он может не знать… Конечно, знает, что вы пожалуете…
Нас провели в просторный зал, который больше походил на музей, чем на служебное помещение. Стены сплошь были завешаны застекленными фотографиями. Рядом с ними — письма, написанные старой арабской вязью. Посреди зала стояли застекленные столы, где в изобилии были выставлены всевозможные ручки, медали, часы, зажигалки и прочие вещи.
Я со своим набитым жалобами портфелем стоял в растерянности посреди этого зала, похожего на музей, искал глазами место, где бы примоститься и приступить к делу.
— Отдохните, пожалуйста, господа… Прошу вас… Милости просим…
Управляющий был весьма обходительным. Мы сели в кресла, представились, объяснили, для чего мы здесь…
— Мы знаем, господа, — сказал он, — мы все к вашим услугам. Но сначала по чашечке кофе… Чтобы снять усталость…
— Не нужно, спасибо, нам ничего не надо… — ответили мы все сразу.
— Тогда по стаканчику чая?
— Нет… Лучше немедленно приступить к работе. Но прежде мы хотели бы побеседовать с Кашир-беем…
— Хорошо, господа… Он сейчас придет. А чего-нибудь прохладительного вроде лимонада, фруктового сока не желаете?
— Нет, во владениях этого подлеца мы и воды простой не пригубим.
Открылась дверь. Вошел рослый человек, с брюшком, в элегантном сером костюме, на вид ему лет шестьдесят с хвостиком. Служащие тут же повскакали со своих мест, двинулись вперед и почтительно встали за его спиной. Чувствовалось, что он умеет внушать окружающим уважение. Мы сразу догадались, что это и

есть сам Кашир-бей, и невольно поднялись вместе со всеми. Наш коллега бухгалтер вскочил с кресла, но потом, вероятно, вспомнил, зачем сюда прибыл, и снова уселся. Один из экономистов тоже встал и сделал шаг навстречу Кашир-бею. А другой, сидевший, закинув ногу на ногу, опустил ногу и выпрямился в кресле. Я ограничился тем, что немного приподнялся.

Кашир-бей, вытянул вперед руку, как бы делая нам знак оставаться на своих местах.

— Прошу, не беспокойтесь, ребята, сидите, сидите…

То, что он самым непринужденным тоном назвал нас «ребятами», задело меня. Что за фамильярность, вот наглец! И наш экономист, тот, что вскочил со своего места вместе со служащими Кашир-бея, вероятно, от этого обращения тоже вскипел и, повернувшись спиной к Кашир-бею, закурил сигарету. Я тоже демонстративно закурил, пустив дым в сторону Кашир-бея.

А Кашир-бей, словно давний закадычный друг, обратился к нам с приветствием:

— Добро пожаловать, как жизнь?.. Что нового?..

Я медленно поднялся на ноги и отчеканил дрожащим от возмущения голосом:

— Мы — члены комиссии, которая направлена сюда для выяснения жалоб и заявлений о злоупотреблениях, имеющих место на вашем заводе… Мы прибыли расследовать их…

Кашир-бей разразился добродушнейшим смехом и как бы между прочим проговорил:

— Это совсем нетрудно, нетрудно… разобраться. Значит, за нами числятся злоупотребления! — И обратился к управляющему: — Вы чем-нибудь угостили господ ревизоров?

Управляющий виновато пробормотал:

— Мы предлагали, но господа ничего не пожелали.

— Слушай, дорогой, они же гости… Аллах, Аллах… Конечно, они не пожелают… Пусть принесут все, что нужно…

Вышли сразу несколько человек.

— Не стоит беспокоиться, нам ничего не нужно… Ничего не нужно… Мы не будем, — повторял наш коллега-экономист.

— Мы прибыли по делу, мы ревизоры… — недовольно бурчал я себе

под нос.
— Конечно, конечно, друзья!.. — подтвердил он и, смеясь, подошел к нам, пожал каждому руку, потом одного из нас погладил по плечу, другого похлопал по спине.
Я стоял в стороне. Приблизившись ко мне, он ласково потрепал меня по подбородку, как пай-мальчика, а нашего бухгалтера погладил по щеке. Он так запросто держался, так простодушно проявлял свою расположенность к нам, что я не смог оттолкнуть его руку, когда он тянулся к моему подбородку.
Затем вошли трое с подносами, заставленными стаканами с различными напитками.
— Не будем терять времени, приступим к делу… — сказал я.
— Это все очень просто, совсем просто… Но сначала выпьем, — ответил Кашир-бей.
Перед нами остановились с подносами. Когда человеку суют в руки бокал, глупо говорить, что пить не будешь. Но я, покраснев, снова сказал:
— Я пить не буду…
— Вот томатный сок, отведайте.
Я взял стакан с томатным соком и выпил.
— Вы смотрели эти снимки на стене? — спросил Кашир-бей. — Взгляните, это любопытнейшие снимки… Прямо, можно сказать, исторические…
Мы не сдвинулись с места.
— Идите, идите сюда, — позвал он. — Это вот фотография сделана в самые трудные дни освободительной войны [1]. Ах, что это были за дни!.. Так-то, ребята, это мы спасли родину. Да, у нас не было оружия, не было боеприпасов, но у нас была вера в наше правое дело…
Мы повернулись к стене, устремив глаза на эту фотографию. Кашир-бей стал между нами, обняв нас за плечи, и сказал:
— На этом снимке, ребята, запечатлен день, когда я подавил восстание в Болу [2]. Вы ведь знаете, тогда против правительства Великого Национального Собрания, созданного нами в Анкаре, вспыхнуло кровавое восстание… Да-а-а, тогда мы спасли родину…

[1] Речь идет об освободительной войне турецкого народа в 1919 – 1922 гг., известной также под названием кемалистской революции и направленной не только против иностранных интервентов, но и против господства иностранного капитала в стране и султанского феодально-клерикального строя.
[2] В апреле 1920 г. под предводительством Хайри-бея в селениях Болу и Дюдже против кемалистского правительства восстали черкесы и абазины. Для ликвидации восстания кемалисты мобилизовали все силы. Главная тяжесть борьбы выпала на долю партизанских сил Западной Анатолии, так как регулярная армия была малочисленна. За полтора месяца мятежники были разгромлены. В настоящее время Болу – город. вилайетский центр северо-западнее столицы Турции – Анкары.

Он показал на фотографию рядом. На ней был изображен великий деятель нашей страны. В углу была видна надпись арабскими буквами.
– Вы можете прочитать эту надпись?
– Нет…
– Тогда я вам ее прочитаю: «Моему дорогому брату Каширу…» Нас с покойным связывала большая дружба… Я был его самым близким человеком. Какие это были дни!..
Под тяжестью его рук, которые давили на наши плечи, мы чувствовали себя подопытными кроликами. Схватив нас теперь в охапку, он всех пятерых толкнул к противоположной стене. Здесь висела большая карта Турции. Он взял указку и водя ею по карте, начал рассказывать:
– Вот Гейве [1]… С обеих сторон – горы, посреди – долина… Противник отсюда и оттуда двигался двумя колоннами… Я расположил свой полк вот здесь… На словах-то полк, а у меня всего было три пулемета…
Он рассказал нам действительно очень волнующий эпизод освободительной войны. Мы слушали его, раскрыв рты.
– Меня позвали к телеграфному аппарату… Я пошел… На другом конце провода голос Мустафы..
– Какого Мустафы? – спросил наш коллега-экономист. Кашир-бей презрительно посмотрел на него и сказал:

— Какой Мустафа? А какой может быть Мустафа? [2]

[1] Гейве — селение в вилайете Сакарья
[2] Имеется в виду Мустафа Кемаль Ататюрк.

Он снова всех нас поволок к другой стене. Там в рамке под стеклом было письмо, написанное арабской вязью.
— Вот его письмо… Послушайте, я прочитаю: «Дорогой мой брат Кашир, победа, которую ты одержал, — великая победа. Услуга, оказанная тобою родине, не забудется никогда. Целую тебя в глаза».
Затем он толкнул нас к одному из стендов:
— Вот видите этот пистолет… Его я отобрал у вражеского генерала… Я взял с собой четырех молодцов-солдат и совершил ночью налет на противника…
На многих фотографиях он был снят с самыми знаменитыми людьми нашей новой истории. И перед каждым снимком он останавливался и рассказывал подробно, как все было. Его рассказы волновали… Я взглянул на бухгалтера, глаза его были полны слез…
— Вот так-то, ребята… Вы в те времена еще и на свет не появились. Мы постарались, чтобы у вас была свободная, независимая родина…
Он вдруг замолчал, а затем спросил:
— Может быть, я утомил вас?
— Что вы, помилуйте сударь… Нам очень полезно…
— Теперь такие, как я, живут воспоминаниями… Что поделаешь! То, что я рассказываю, кажется вам сказкой? Ну, хватит, теперь приступим к делам сегодняшним…
— Пожалуйста, просим вас, эфенди, продолжайте, — заговорил бухгалтер.
Кашир-бей рассказал нам о каждой вещи, о каждой фотографии в комнате.
— Обо всем не расскажешь, — наконец, проговорил он, — пойдемте передохнем немного у меня в кабинете.
Мы перешли в кабинет Кашир-бея. Здесь было еще богаче, чем в зале, из которого мы пришли, кресла более удобные. Мы сели. Он продолжал рассказывать про те волнующие дни.

— Пас было всего-навсего четыреста пехотинцев, пятьдесят всадников и взвод пулеметчиков… У противника — дивизия в полном составе… Как только наши львы перешли в штыковую атаку… Я был впереди… Никогда не забуду, Февзи [1] мне в тот день сказал…

[1] Имеется в виду маршал Турции Февзи Чакмак.

— Какой Февзи, бей-эфенди? — спросил я. Он снова взял меня за подбородок и спросил:
— Сколько тебе лет?
— Двадцать восемь, бей-эфенди, — ответил я.
— Тебя тогда еще и в помине не было…
Он говорил о выдающихся подвигах своего товарища взволнованно и возбужденно. А когда начал рассказ о героической гибели мужественного друга, у него, этого бывалого, огромного мужчины, катились из глаз слезы и из груди вырывались стоны, будто он снова перенесся в те дни. Да и я сам, чтобы не заплакать, сильно закусил язык. Я взглянул на бухгалтера, он плакал, не стыдясь слез. Оба экономиста тоже вытирали платком глаза.
— Простите, — сказал он, — я очень разволновался… Я не должен был вам рассказывать об этом…
— Просим, продолжайте, бей-эфенди…
Вытерев влажные глаза, он взглянул на часы и сказал:
— О-о-о, уже время обедать, я отвлек вас, ребята, от ваших дел.
Он развел руками:
— Но давайте сначала подкрепимся, а потом примемся за работу…
Когда он встал, мы тоже невольно поднялись и пошли за ним.
Подали его личный автомобиль.
— Где будем обедать, друзья?
— Если вы разрешите, мы отдельно…
— Что это значит? — перебил он меня. — Послушайте, раз в сто лет могу я… Я гожусь вам в отцы…
Он назвал шоферу ресторан. Два часа длился обед, который прошел очень весело. Он рассказывал нам забавные приключения

из своей богатой событиями жизни.
В разгар обеда бухгалтер шепнул мне на ухо:
— Послушайте, каким надо быть подлецом, чтобы писать доносы на такого человека…
— Неблагодарность, — только и смог я выдавить из себя. Мы вернулись на завод.
— Сейчас по чашечке кофе, а затем живо за дела, — сказал Кашир-бей.
На этот раз он пригласил нас в другую комнату. Там тоже было что-то вроде музея. Исторические фотографии, письма, документы… Он снова рассказывал. То и дело вставлял:
— Д-а-а, вот так, ребята… Вот так мы освобождали родину. Что бы мы ни делали, все это для вас, для молодежи… После войны нужно было восстанавливать страну. А как? Нужно было строить, создавать индустрию… Он вызвал меня. Я отправился во дворец. Потом сидели за столом, заставленным яствами и напитками… Он обнял меня, поцеловал и говорит: «Дорогой мой брат Кашир, ты и такие, как ты, должны снова взяться за мирные дела. Вы будете строить фабрики и заводы». «Помилуйте, как это возможно? У нас есть кровь, которую мы готовы пролить за родину, есть жизни, которые мы можем отдать, но где взять деньги, чтобы строить фабрики?» — спросил я. «Деньги найти нелегко», — сказал он.
Кашир-бей рассказывал, с какими трудностями, выполняя задание родины, он построил этот завод.
— Поверите ли, ребята, борьба с оружием в руках была значительно легче… Мы по нескольку лет бились в горах, истребляя противника… Но что мы понимали в промышленности, что мы понимали в торговле?.. Однако раз это — задание родины, то вот… И построили… Около тысячи бедняков нашли на заводе работу и хлеб… Давайте я сейчас покажу вам завод…
Он повел нас в помещение на нижнем этаже, оно походило на галерею. На стенах фотографии в рамках, обвитых черными лентами.
— Это жертвы, — сказал он, — жертвы, которые пали в битве за национальную промышленность…
Глаза его налились слезами, он продолжал:
— Это мои рабочие, погибшие на заводе в авариях, при

несчастных случаях… Всем им я устроил пышные похороны. Были прочитаны молитвы за упокой их душ. Я поставил им прекрасные надгробия. Чтобы их близкие не остались голодными, не влачили жалкого, нищенского существования, я брал их под свое покровительство, всем дал работу на заводе…
— Они погибли при несчастных случаях, во время работы, бей-эфенди?
— Да… Пусть процветает родина… — сказал он.
Он вытер носовым платком глаза. Позвал управляющего.
— Все это принадлежит не мне, а этим молодым людям, — сказал он. — Покажите им все, что они захотят, пусть смотрят, изучают.
Он повернулся к нам и сказал:
— Когда закончите свою работу, заходите ко мне. Близился конец рабочего дня. Вот раздался гудок. Рабочие первой смены уходили, заступала вторая смена.
Наше расследование длилось три дня. За эти дни мы узнали от Кашир-бея все подробности освободительной войны.
Поразмыслив, мы решили, что жалобы и сигналы, от которых разбухли наши папки, безосновательны и просто лживы. Придя к такому выводу, мы отправились к Кашир-бею, попросили его простить нас, объяснили, что тоже выполняли свой долг. Он добродушно улыбнулся:
— Бывает, случается, чего только не случается… Лишь бы родина процветала… Все преходяще, все мы смертны, лишь бы родина процветала… Она мать наша, мы оставляем ее вам…
Потом на машине Кашир-бея нас развезли по домам.
А папки все разбухали от жалоб…

Азиз НЕСИН. Satiriki hekaýalar